

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.1>

Демченко Александр Иванович

АНТИЧНОСТЬ - МАГИСТРАЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА (ОЧЕРК ПЕРВЫЙ)

В рубрике От главного редактора продолжается публикация большой серии художественно-исторических эссе, в которых последовательно рассматриваются крупнейшие эпохи. Эти обзоры призваны наметить панораму эволюции человечества в призме реалий всех видов искусства с выходом на онтологические обобщения. В предыдущем очерке был рассмотрен Древний мир.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/8/1.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(94) С. 7-13. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.1>

В рубрике **От главного редактора** продолжается публикация большой серии художественно-исторических эссе, в которых последовательно рассматриваются крупнейшие эпохи. Эти обзоры призваны наметить панораму эволюции человечества в призме реалий всех видов искусства с выходом на онтологические обобщения. В предыдущем очерке был рассмотрен Древний мир.

Демченко Александр Иванович, д. искусствоведения, профессор
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
alexdem43@mail.ru

АНТИЧНОСТЬ – МАГИСТРАЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Очерк первый

Прежде всего, определим хронологические границы Античности: с самых последних веков II тысячелетия до н.э. по первые века I тысячелетия н.э. (для простоты ориентации – тысячелетие до Рождества Христова). И сразу же проясним вопрос о её пространственных координатах.

Говоря об Античности, чаще всего имеют в виду искусство Древней Греции и Древнего Рима. Но это была только часть большой художественной культуры, которая интенсивно развивалась и за пределами названных территорий. И в ходе последующего изложения в этом удастся убедиться неоднократно.

На выходе в Античность мы, пожалуй, впервые со всей отчётливостью сталкиваемся с явлением, которое периодически будет повторяться и в дальнейшем: каждый новый большой виток исторического развития точкой своего отсчёта имеет катастрофу или, по крайней мере, «закат» предыдущей цивилизации.

К примеру, завершая рассмотрение Древнего мира, мы говорили о достижениях эгейской цивилизации (развивалась на островах и побережье Эгейского моря – это основная территория Греции). И в XII веке до н.э. (его можно считать начальным пунктом Античности) она была разрушена натиском дорийских (северогреческих) племён, находившихся на гораздо более низком уровне развития.

Дорийское завоевание привело к общему упадку во всех сферах жизни. В истории Греции наступил период, получивший название *тёмные века*, он продолжался почти пять столетий (примерно до появления гомеровских поэм). Разумеется, это не было разрушением до самого основания. Что-то от прежней цивилизации «варвары» Античности восприняли. Тем не менее, мир как бы начинали строить заново.

Это «строительство» во многом осуществлялось по линии созидания *духовного фундамента* античной культуры, а закладывался он главным образом в *словесности*. Вот почему необходимо столь существенное внимание уделить литературным жанрам. Фундамент этот составили в первую очередь *религиозные своды* и *национальные эпосы*. Назовём основные из них.

В Индии сложились два религиозных свода. *Веды* (в переводе означает *знание*, точнее – высшее, духовное знание; ср. русское *ведать*) – священные книги индуизма (индуизм – основная религия Индии). *Трипíтáка* (в переводе означает *Три корзины священных установлений*, и данный свод действительно состоит из трёх собраний текстов) – это буддийский канон (закон). Буддизм возник в середине I тысячелетия до н.э., явившись наиболее ранней из трёх *мировых религий* (наряду с христианством и исламом), и получил хождение во многих странах Азии.

В Индии времён Античности были созданы и два великих эпоса – поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна». Обозначение «*Махабхарата*» («*Великая Бхарата*») возникло в результате сокращения полного названия («*Великое сказание о потомках Бхараты*»). Бхарата – древнеиндийское племя, которое действительно существовало (к слову, официальное название современной Индии – Бхарат). «*Рамаяна*» означает в переводе «*Деяния Рамы*» (Рама – легендарный герой индийских сказаний).

Еврейский народ во времена Античности создал духовное творение, так много значившее впоследствии для человечества, – *Библия* (по-гречески – *Книга*, что нужно воспринимать как *Книга книг*); точнее, её бо́льшая, дохристианская часть – *Ветхий Завет*, собрание священных книг иудаизма (иудаизм – религия иудеев). Позже, вместе с Новым Заветом он составил Библию – Священное Писание христиан.

Верования древних евреев, зафиксированные в **Ветхом Завете**, стали первой *монотеистической религией*, и это был принципиально важный прорыв в будущее, когда именно монотеистические религии (христианство, ислам) вытеснили языческие культы.

Единый Бог (в будущем христианстве – Бог-Отец, первый лик Троицы) имеет в Ветхом Завете три имени – Саваоф, Яхве, Иегова (то есть Сущий). Всё, абсолютно всё восходит к нему. Вот что гласит произносимая от Его имени одна из строк Ветхого Завета.

Создающий свет и творящий тьму, делающий мир и производящий бедствия – Я, Яхве, делающий всё это.

В Древней Греции религиозного свода как такового не возникло (его заменяли многочисленные мифологические предания), но это было компенсировано созданием национального эпоса. В поэмах *Гомера* (возможно, полумифическое лицо) «Илиада» и «Одиссея» и особенно в поэме *Гесиода* «Теогония» («Происхождение богов») осуществлена завершающая переработка древних мифов, они приведены в стройную и целостную систему. Причём суть изменений, которые произошли с человеком в его движении от Древнего мира к Античности, нашла своё метафорическое выражение в замене старых богов новыми.

Старые боги (титаны) олицетворяли собой мрачные, стихийные силы земли – мир, в котором господствовали ужас и дисгармония. Молодые боги (олимпийский пантеон во главе с Зевсом), усмирив титанов и сбросив их в бездну земли (Тартар – ад), установили в мире силу закона, создали новую красоту, основанную на порядке и гармонии. Вот почему ключевым моментом поэмы Гесиода «**Теогония**» становится грандиозная битва старых и новых богов.

*...Заревело ужасно безбрежное море,
Глухо земля застонала, широкое ахнуло небо
И содрогнулось; великий Олимп задрожал до подножья
От ужасающей схватки. Тяжёлое почвы дрожанье,
Ног топотанье глухое и свист от могучих метаний
Недр глубочайших достигли...*

Это наша первая встреча с гекзаметром – основным размером древнегреческой эпической поэзии (в том же размере сложены и поэмы Гомера): шестистопный размер из 17 слогов, размеренный, «окладистый» и безрифменный, что передаёт характер торжественно-приподнятой речи и величаво-возвышенный дух «седой старины».

Веды, Трипитака, «Махабхарата», «Рамаяна», Библия, «Илиада», «Одиссея», «Теогония» – это только самые известные из множества литературных памятников, в которых происходило установление исходных начал духовного бытия Античности. Мы говорим: *литературных* памятников, и если по отношению к поэмам Гомера и Гесиода это вполне правомерно, то можно ли относить такое обозначение к религиозным сводам?

Да, вполне. Уже хотя бы потому, что они представляют собой собрания текстов самого различного происхождения и назначения: помимо собственно культовых форм (гимны богам, молитвы, проповеди, ритуальные предписания, магические заклинания), мы встречаем здесь исторические хроники, героические легенды, волшебные сказки, фольклорные песни, басни, притчи и т.д. Вот что превращало религиозный свод в антологию всего, чем жил человек того времени.

Но, кроме того, если взять и сами культовые тексты, то в ряде случаев есть основания расценивать их как произведения искусства в силу присущей им яркой художественной выразительности. Обратимся для примера к одному из **150 псалмов** Ветхого Завета, которые библейская традиция связывает с именем легендарного царя-песнопевца *Давида*.

*Яхве, услышь мольбу мою,
и вопль мой пусть дойдёт до Тебя!
Не скрывай Твой лик от меня,
в день бедствия моего
преклони ко мне слух Твой!..
Ибо дни мои тают, как дым,
и кости мои горят, как огонь;
Сердце моё скошено, как трава...
Пепел я ем, как хлеб,
со слезами смешиваю моё питьё!*

Как видим, человеческое страдание передаётся в самых экспрессивных выражениях («*Дни мои тают, как дым... кости мои горят, как огонь... услышь мольбу мою... вопль мой пусть дойдёт до Тебя!*»).

Не менее примечательны религиозные гимны из индийских Вед. Вот «**Гимн Вáруне**» (бог неба) – тихая, задушевная, почти интимная просьба.

*Если любимого мы оскорбили,
Друга, приятеля, брата, соседа,
Даже чужого нам человека,
Да простит нам Вáруна этот грех.
Если содеяли зло мы обманом,
Подобно плутám, играющим в кости,
Всякий грех наш, невольный и вольный,
Прости нам, Вáруна, и будь к нам добр!*

* * *

Религиозное поучение могло облекаться в форму сюжетного повествования. Так возникали многочисленные «духовные истории». Один из ярких образцов находим в Библии – «**Книга Иова**». Это драма жизни человека, познавшего много незаслуженных страданий. Повествование начинается прозой.

Был человек в земле Уц, и звался он Иов; и человек этот был прост и праведен, и богобоязнен, и далёк от зла. И родилось у него семеро сыновей и трое дочерей; в имени же было у него семь тысяч овец, и три тысячи верблюдов, и пятьсот пар волов подъяремных, и пятьсот ослиц, и челяди весьма много.

Это перечисление сделано не случайно. Во-первых, оно призвано показать, что герой повествования пребывал в довольстве и изобилии; а во-вторых, к подобному подсчёту повествователь ещё вернётся в конце истории, создавая, таким образом, её своеобразное «арифметическое» обрамление.

Итак, Иов – праведник, беспорочный человек, угодный Богу. Кажется, злу просто неоткуда войти в его жизнь. Но невозможное происходит, и источником его становится сам Бог, поскольку изображённый здесь Сатана в данном случае не враг Бога, а противник человека, его искушитель и обвинитель. Он настаивает на том, что Иов чтит Бога не бескорыстно, что его безупречность проистекает из его благополучия.

Сатана говорит Богу:

*– Разве не за мзду богобоязнен Иов?
Не Ты ли кругом оградил его,
и дом его
и всё, что его?
Но – протяни-ка руку Твою,
дотронься до всего, что есть у него;
разве не похулит он Тебя?*

Чтобы получить ответ на этот вопрос, Яхве выдаёт Иова на пытку обвинителю. Беды обрушиваются на голову праведника одна за другой. Иов терзает всё, но продолжает истово славословить Господа.

*– Нагим вышел я при рождении
и нагим возвращусь назад.
Яхве дал, Яхве взял –
благословенно имя Яхве!*

Тогда Сатане разрешается истязать «кость и плоть» Иова. Несчастливого поражает проказа, а для древнего еврея это не просто участь медленной и мучительной смерти, но и скверна, то есть знак Божьей немилости. Иов горько сетует, проклиная день своего зачатия.

*– Да сгинет день, в который я рождён,
и ночь, что сказала: «зачат муж!»
День тот – да будет тьма,
да не сияет ему свет!
Смертная тень да охватит его,
да обложит его мгла,
затмение да ужаснёт!
Ночь та – да падёт во мрак,
да тмятся звёзды утра её,
Пусть ждёт света, но он не придёт,
Пусть не узрит ресниц зари.*

Обращает на себя внимание острота чувства, патетический слог: «**Да сгинет день... да не сияет ему свет... Ночь та – да падёт во мрак... пусть не узрит ресниц зари**».

Иов выдерживает испытания, доказывает способность человека к бескорыстной вере и награждён за это: «**Господь благословил конец Иова больше, чем его начало**». Стихи вновь сменяются прозой (арка к исходному пункту), повествователь возобновляет перечисление, всё «умножая вдвое».

И вдвое умножил Яхве всё, что было у Иова. И стало у него четырнадцать тысяч овец, и шесть тысяч верблюдов, и тысяча пар волов подъяремных, и тысяча ослиц.

«Книга Иова» показывает неоднозначность постулатов Библии и ставит массу вопросов. В том числе касательно всезнания Бога: Он, Всеведущий, не знал, действительно ли богобоязнен Иов и как он поведёт себя в испытаниях. Но, в конечном счёте, поучительный смысл этой «духовной истории» состоит в следующем: да, Господь может усомниться и более того – ошибиться, но верь в Него и тебе рано или поздно обязательно воздастся.

* * *

Продолжим рассмотрение жанра *духовных историй*. Фантазия тех, кто их творил, была поистине неисчерпаема. Оценим, к примеру, оригинальный сюжетный ход, с помощью которого прославляется религиозное отшельничество в одном из памятников буддийского свода **Трипитака** – так называемые «**Строфы монахинь**».

Прежде два пояснения: *путь благородный* – следование учению Будды; *кинна́ри* в индуистской мифологии – полубожественные существа, небесные певцы. Сюжет здесь таков: монахине, идущей в священную рощу, преграждает путь юный ветреник, влюбившийся в неё. Монахиня вопрошает его:

*«Что я сделала дурного тебе,
Что ты стоишь, не давая пройти мне?
Ведь ушедшей от мира не подобает
Беседовать с мужем, почтенный».*

Влюблённый всячески пытается соблазнить её прелестями мирской жизни.

*«Ты молода, безупречно красива.
Что может дать тебе отречение?
Скинь это жёлтое покрывало!
Насладимся любовью в лесу цветущем!*

*Если пожелаешь здесь остаться,
Я буду тебе слугой покорным,
Ибо нет для меня никого милее
Тебя, о дева с глазами киннари.*

*Если же хочешь меня послушать,
Смени этот лес на жильё мирское!
Ты станешь жить во дворце просторном,
Где рабыни тебе прислуживать будут.*

*Ведь иначе, отшельница благочестивая,
Состаришься ты в одиночестве полном.
Так, никем не сорванный, бесполезно
Увядает в воде прекрасный лотос».*

На вопрос монахини, что же привлекает его в ней, он отвечает:

*«Глаза, что подобны глазам лани,
Глазам киннари в пещере горной,
Глаза твои с ума меня сводят,
Желанье страстное будят в сердце».*

Отшельница находит способ остудить любовный пыл поклонника, разрушая свои чары совершенно неожиданным образом.

*И монахиня не согрешила.
Не колеблясь, вырвала глаз прекрасный
И юноше ветреному со словами
«На, возьми же!» – его протянула.*

*И в тот же миг страсть в нём исчезла,
И стал он молить её о прощенье:
«Слава тебе, благочестивая!
Верь, это больше не повторится!..».*

Вот такая острая концовка, но с благополучным исходом.

*А потом эта свободная духом
Удалась туда, где был Будда;
Знак добродетели высшей узрела
И сразу стала, как прежде, с глазом.*

* * *

Теперь о *смыслах* памятников античной словесности.

В основе своей они были нацелены на то, чтобы учить человека лучшему, утверждать идеи добра, правды и справедливости. Вряд ли нужно говорить о десяти заповедях, составляющих краеугольное основание нравственного потенциала Библии.

Но, может быть, стоит сказать о пророках, книги которых помещены в Ветхом Завете. Каждый из этих пророков – яркая личность с напряжёнными духовными исканиями, со своим пониманием жизни, которое нередко противопоставляется установлениям власть предержащих.

Они были готовы к любым гонениям, шли ради своей миссии до конца. Предание утверждает, что многие из них дорого заплатили за верность своим убеждениям: кто был побит камнями, кто просто убит, а самый известный из них – Исайя – по приказу царя был заживо распилен деревянной пилой.

Исайя от имени Господа вызывает:

Научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетённого; защищайте сироту; вступайтесь за вдову.

Библейские пророки мечтали о всеобщем мире и благоденствии. Разумеется, это была утопия, но в природе человека надеяться на лучшее. Снова из Исайи:

Перекуют мечи свои на орала и копья свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча и не станут более учить воевать.

Говоря о базисных памятниках античной словесности, мы должны признать, что в них была заключена подлинная *кладезь премудрости*. Они наполнены высокими раздумьями о жизни, природе, Боге, человеке и взаимосвязи этих явлений. Скажем, в тексте индийской поэмы «**Махабхарата**» рассеяно множество поучительных притч. Одна из них подана в форме разговора океана и реки.

Океан спрашивает реку, почему она с корнем вырывает могучие деревья, но не трогает слабый тростник. И река объясняет, что во время разлива деревья истощают свои силы, сопротивляясь потоку, а тростник склоняется перед ним и снова распрямляется, когда вода убывает.

В выборе жизненной позиции создатели этой притчи явно склоняются к позиции выживания любой ценой. Через несколько тысячелетий немецкий поэт-романтик *Генрих Гейне* вступил в спор с этой житейской мудростью, утверждая противоположную позицию.

*Погибнет дуб, хоть он сильнее стебля,
Меж тем тростник, безвольно стан колебля,
Под бурями лишь клонится слегка.*

*Но что за счастье жребий тростника?
Он должен стать иль тростью франта жалкой,
Иль в гардеробе выбивальной палкой.*

Сказано с беспощадной иронией. Но этим уже начинается диалог времён и столкновение мировоззрений – из противоположных позиций каждый волен выбирать по своему вкусу и разумению.

Авторы религиозного свода **Трипитака** настойчиво ищут пути избавления человека от страданий. Рецепт виделся буддизму в знании и самовоспитании, дающих свободу от жизненных пут и привязанностей. Вот как выражена эта главная буддийская доктрина в «**Поэме о стреле**». В первых строфах говорится о неизбежности смерти и обычной для людей боязни перед ней.

*Как у плодов созревших
Страх поутру сорваться,
Так и у тех, кто родился,
Вечный страх перед смертью.*

*Ведь, как кувшины и чаши,
Что сделал из глины горшечник,
Все когда-нибудь разобьются,
Так и жизнь смертных прервётся.*

*Глупец и самый премудрый,
Старик и юноша нежный –
Все они кончат смертью,
Над всеми – власть смерти...*

Завершающие строфы содержат проповедь отрешённого созерцания, следование которой позволяет преодолеть страх смерти.

*Как видишь, мир поражён
Неизбежностью смерти.
Но мудрецы не скорбят,
Непременность закона зная.*

*И если счастья желаешь,
То причитанья и вопли,
Желанья и недовольства –
Эту стрелу из себя вырви.*

*Отравленную стрелу вырвав,
Покой обретёшь душевный.*

Отсюда название: «Поэма стрелы».

Уже в те далёкие времена мысль человеческая приближалась к некой предельной черте в постижении мира. И уже тогда звучали многочисленные сентенции о призрачности успеха и о бренности жизни – вплоть до всепроникающего скепсиса.

Обратимся к одному из разделов Библии – «**Книга Екклесиаста**» (иногда читают *Экклезиаст*, что в переводе означает *Проповедник*); согласно преданию, её автором считается царь Соломон.

*Суета сует, сказал Проповедник,
суета сует и всё – суета!
Что пользы человеку от труда его,
которым он трудится под солнцем?
Поколение уходит, поколение приходит,
А земля пребывает вовеки.
Восходит солнце, заходит солнце,
Возвращается вспять и вновь восходит...
Все реки текут в море, но не переполнится море;
И от истока снова реки текут.
Что было – то и будет,
И что делалось – то и будет делаться,
И ничего нового нет под солнцем...
Бывает, скажут о чём-то: смотри, это новость!
А уже было оно в веках, что прошли до нас.*

Этот вдохновенный скептик изъясняется как поэт – истинно художественным слогом, ярко, впечатляюще. Рефреном его размышлений о бессмысленном «коловращении» бытия служит слово *суета* («суета сует и всё – суета!»).

Отсюда идёт традиция скепсиса и разочарования, которая время от времени заявляла о себе в последующие исторические эпохи неоднократно. Позволим себе ещё одну параллель к миру романтиков первой половины XIX века: наш *Михаил Лермонтов* и его стихотворение «**И скучно и грустно**». Завершающая строка – убийственный приговор человеческому существованию.

*И жизнь, как помотришь с холодным вниманьем вокруг –
Такая пустая и глупая шутка...*

Но тот же Екклесиаст, взвесив все «за» и «против» и сохраняя трезвость миропонимания, даёт мудрый совет: «*Самое лучшее для человека – мирно наслаждаться плодами своих трудов... Пейте и ешьте с веселием хлеб и вино, наслаждайтесь удовольствием жизни с женищиной, которую любите: ибо это всё самое лучшее, на что вы можете рассчитывать в жизни*». Адресовано мужчинам, но легко переадресовать и «прекрасному полу».

* * *

Последнее, чего необходимо коснуться, рассматривая фундаментальные памятники античной словесности – это их *эпическая сущность*.

Начнём с того, что все они, как правило, представляют собой монументальные собрания текстов чрезвычайно большого объёма. «Супергигантом» в данном отношении является «Махабхарата»: она содержит около 100 000 двустиший, что (для сравнения) более чем в восемь раз превышает «Илиаду» и «Одиссею» вместе взятые (а это, в свою очередь, «суперпоэмы»).

Подобные объёмы вырастали за счёт огромного числа действующих лиц, благодаря исключительной обстоятельности повествования, а также ввиду подробнейших описаний и массы отступлений от основной сюжетной канвы. Показательный штрих с этой точки зрения находим в одном из эпизодов завершающей части поэмы «**Одиссея**».

После десятилетних странствий Одиссей вернулся домой и старается быть неузнанным. По распоряжению Пенелопы (жена Одиссея, не узнавшая его) старая нянька героя приступает к омовению ног странника и по шраму на ноге узнаёт своего господина.

Казалось бы, сразу же должно было последовать соответствующее излияние чувств. Однако в поэме разворачивается подробный рассказ о происхождении этого шрама: как в юности Одиссей отправился в гости к деду и был ранен в колено клыком кабана. Автор не забывает сообщить также, что Одиссей вернулся домой с подарками.

Только поведав во всех подробностях эту историю (свыше 70 строк в изложении «сверхдлинным» гекзаметром), поэт возвращается к состоянию старой няньки.

*Эту-то рану узнала старушка, оцупав руками
Ногу; отёрнула руку она в изумленье; упала
В таз, опустившись, нога; от удара её зазелена
Медь, покачулся водою наполненный таз, пролилася
На пол вода. И веселье и горе постигли старушку.*

Причём заметим, какое неистощимое любопытство к детали (для наглядности разобьём строки на смысловые фразы):

*...упала в таз, опустившись, нога;
от удара её зазвенела медь,
покачнулся водою наполненный таз,
пролилася на пол вода...*

Когда говорят об эпосе Античности, обычно присоединяют эпитет *героический*. И это действительно так. Героический эпос начинается с того, что достоверное, реальное переплетается с невероятными приключениями и удивительными подвигами героев, а изображаемый мир, помимо людей, населяют боги, духи, демоны, наделённые необычайным могуществом.

Но, может быть, ещё важнее, что героический эпос Античности это почти обязательно *воинский* эпос. Он обычно соотносён с событиями какой-либо памятной войны отдалённого прошлого.

Разумеется, героический эпос в различных своих образцах приобретал всевозможные оттенки. Возникли очень своеобразные варианты с разной степенью отклонения от «типовой нормы». Один из таких вариантов находим в поэме «**Рама́яна**».

Формально она посвящена подвигам Рамы, но очень многое здесь перемещается в *лирическую* плоскость. Ведущей в поэме оказывается тема разлуки («*Горе от разлуки*» – это слова одного из индийских знатоков «Рамаяны», передающие её основной смысл).

Другая сторона лиризма связана здесь с высокой поэзией описаний природы, которых в поэме очень много и которые чрезвычайно развёрнуты. Природа для героев «Рамаяны» составляет величайшее благо человеческой жизни и приобщение к ней способно облегчить любое горе.

*Как смуглая дева, что светлую тканью одета,
Окуталась ночь покрывалом из лунного света.
Насытятся отборным зерном, журавлей вереница
Летит, словно сдутая ветром цветов плетеница.*

И после прихотливо-неожиданного перебива размера –

*Блистают лилии на глади водной.
Блестит пруд, со звёздным небом сходный.
Один, как месяц, льющий свет холодный,
Уснул меж лилий лебедь благородный.*

Поэтика самого высокого ранга! Чего стоят такие красочные сравнения:

*Как смуглая дева, что светлую тканью одета,
Окуталась ночь покрывалом из лунного света.*

Или –

*Один, как месяц, льющий свет холодный,
Уснул меж лилий лебедь благородный.*

Продолжение следует.